

Соблазнить магната

Автор:

[Эмили Роуз](#)

Соблазнить магната

Эмили Роуз

Соблазн – Harlequin #29

Уайет Джейкобс, покупая коневодческую ферму, не предполагает, что в придачу он получит дочь бывшего владельца. Он считает Ханну избалованной дамочкой, привыкшей получать все по первому требованию. Но вскоре противостояние Ханны и Уайета превращается в притяжение...

Эмили Роуз

Соблазнить магната

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Ханна Сазерленд нажала на педаль электромобиля и на полной скорости понеслась к дому. «Гость. В моем офисе. Сейчас». Это сообщение Ханна получила от отца и, учитывая, каким раздраженным он был в последнее время, не осмелилась задержаться. Интересно, из-за какой важной персоны ей

приходится все бросать и мчаться домой?

Затормозив у лестницы, ведущей в патио, Ханна поспешила в кабинет, на ходу поправляя волосы и костюм, который едва успела сменить.

Ханна постучала в дверь. Ее впустил Эл Бринкли, поверенный отца.

– Рада вас видеть, мистер Бринкли.

Он скупно улыбнулся:

– Привет, Ханна. Честное слово, с каждым днем ты все большеходишь на мать.

Отец стоял у стола с бокалом в руке. Рановато для коктейля.

Движение у французских окон, выходящих на восток, прервало ее мысли. Незнакомый мужчина, высокий и стройный, плавно развернулся к ней.

Несмотря на короткую стрижку, было заметно, что его блестящие темно-каштановые волосы выются, что, впрочем, не смягчало квадратный подбородок и резко очерченную линию скул.

Хотя черты лица незнакомца производили грубоватое, но приятное впечатление, все портил холодный недоверчивый взгляд. Сложно было сказать, сколько ему лет, похоже, чуть больше тридцати. Однако глаза казались старше.

– Входи, Ханна. – Непривычные нотки в голосе отца заставили ее заволноваться. – Бринкли, закрой дверь.

Поверенный так и сделал. В кабинете ощутимо витало напряжение. Секретные совещания не были приняты в доме. Собственно, их могла услышать только Нелли, которая была одновременно и горничной, и экономкой, и кем-то вроде приемной матери. Но ведь она – член семьи, пусть не по крови. Так зачем такая тайна?

– Уайет, это моя дочь, Ханна. Она ветеринар, отвечает за разведение коней на ферме «Сазерленд». Ханна, это Уайет Джейкобс.

Странно, взгляд Джейкобса одновременно и отталкивал, и притягивал. Кто он такой, и какие дела могут связывать его с коневодческой фермой?

Судя по дорогому костюму и платиновым часам на запястье, Уайет Джейкобс богат, что, впрочем, естественно. Международные состязания по конкуру не для бедных и даже не для среднего класса. Среди клиентов Сазерлендов были нувориши и члены королевских фамилий, избалованные отпрыски богатых семейств и преданные конному спорту представители высшего общества. Кто же такой Уайет Джейкобс?

Ханна не сомневалась, что он великолепно смотрится в седле – уверенный в себе, с прямой осанкой.

– Добро пожаловать на ферму «Сазерленд», мистер Джейкобс. – Она заученно улыбнулась и протянула руку.

Его длинные пальцы сомкнулись вокруг ее кисти, и у Ханны вдруг перехватило дыхание. Виной тому стало теплое крепкое рукопожатие Уайета и тяжелый взгляд его темных глаз.

– Доктор Сазерленд. – У него был глубокий, хриловатый, чувственный голос.

Уайет держал ее руку чуть дольше, чем принято, заставив Ханну пожалеть о том, что, снимая грязную рабочую одежду, она не успела поправить макияж, расплести косу, расчесать волосы и надушиться, чтобы замаскировать запах конюшен.

«Дурочка. Он клиент. А ты не ищешь приключений, не так ли?»

Она попыталась высвободиться, и после короткого сопротивления Уайет отпустил ее. Ладонь Ханны покалывало, и она прижала ее к бедру. Она разорвала помолвку пятнадцать месяцев назад и с тех пор ни разу не задумывалась о сексе. До этой минуты. Уайет Джейкобс пробудил в ней желания, которые давно спали.

Отец предложил Ханне высокий бокал с янтарным напитком.

– Папа, ты же знаешь, во время работы я не пью.

Сегодня утром мне предстоит заняться Командором.

Ей было очень трудно работать с этим жеребцом. Командор был готов убить всех и каждого – не исключая ветеринара, который пытался взять его сперму. В манеже он был великолепен, а в стойле превращался в кровожадного монстра. Но Ханна не могла игнорировать его родословную и список побед. Сперма Командора ценилась на вес золота. Сейчас Ханне, ее команде и упрямому жеребцу требовался небольшой перерыв, так что вмешательство отца пришлось как нельзя кстати.

Отец поставил бокал на стол возле дочери, как будто ожидая, что Ханна изменит решение. По шее у нее побежали мурашки. Она старалась не поддаваться плохому предчувствию и снова взглянула на гостя. Джейкобс смотрел на нее не отрываясь, словно в прицел пистолета, вызывая странный отклик в теле. Однако отвести глаза Ханна не смогла.

Ей встречались куда менее обаятельные звезды кино, конгрессмены и аристократы. Из жалости она встречалась кое с кем из них и даже целовалась – без какого-либо эффекта. Так почему же Уайет Джейкобс легко пробил ее оборону?

Что такое?! Не гнев ли промелькнул в его глазах?

Был всего лишь один способ выяснить это.

– Что привело вас на нашу ферму, мистер Джейкобс?

– Лютер, вас не затруднит объяснить, почему я здесь? – Джейкобс переадресовал вопрос ее отцу.

Всегда уверенный в себе Лютер Сазерленд выглядел сегодня беззащитным и неловким. Он одним глотком осушил свой бокал и со стуком поставил его на стол.

Ханна разволновалась не на шутку:

– Папочка, что происходит?

– Я продал ферму, Ханна, – сообщил он.

Молодая женщина моргнула. Заявление прозвучало настолько нелепо, что ничем, кроме розыгрыша, быть не могло.

– Правда?

Лютер посмотрел на молчаливого Бринкли, потом на дочь:

– У меня хватает других дел, на которые нет времени, поскольку я круглый год привязан к этому бизнесу.

Ханна внимательно посмотрела на отца. Нет, он не шутил. Пол под ногами, казалось, куда-то поплыл. Она схватилась за столешницу, чтобы не упасть.

– Ты не мог продать ферму. Ты живешь ради нее.

Насколько Ханна знала, у отца не было иных интересов, иных увлечений. Ничего, кроме лошадей, побед на состязаниях и фермы «Сазерленд».

– Теперь – нет, – отрезал он.

Ее пронизал страх, на верхней губе выступил холодный пот. Она обратилась к Уайету:

– Не оставите ли вы нас на минутку, мистер Джейкобс?

– Пожалуйста, – кивнул гость и вышел.

Ветерок, ворвавшийся в открытую дверь, принес аромат свежескошенной травы, но не смог, как бывало, успокоить Ханну.

– Мне уйти? – спросил Бринкли.

Отец поднял руку:

– Останься. У Ханны могут появиться вопросы, на которые только ты сможешь дать ответ.

– Папа, что случилось? Ты заболел?

Он вздохнул:

– Нет, Ханна, я не болен.

– Но как ты посмел сделать это? Ты обещал маме, что никогда не продашь ферму.

Морщины на лице отца стали глубже.

– Это было девятнадцать лет назад, Ханна. Она умирала. Я был готов на все, лишь бы успокоить ее.

– А как же я? Я тоже дала маме обещание и собираюсь его сдержать. Я должна унаследовать ферму, сохранить ее и передать моим детям.

– Которых у тебя нет.

– Пока нет, но когда-нибудь... – Ханна замолчала, в голову ей пришла неожиданная мысль. – Это потому, что я не вышла замуж за Роберта?

Губы отца сжались.

– Он идеально подходил тебе, но ты не пожелала остепениться.

– Нет, папа, он идеально подходил тебе.

– Роберт знал, как руководить коневодческой фермой.

– Я тоже.

– Ханна, ты не едешь верхом. Ты не участвуешь в состязаниях. Твое сердце к этому не лежит, и у тебя недостаточно пыла, чтобы ферма оставалась на хорошем счету. Вместо этого ты впустую тратишь время и деньги на животных, которых следовало бы усыпить.

Не важно, сколько раз Ханна это слышала, – резкие слова всегда попадали в цель. Однако она сдержалась и обратилась к фактам:

– Мама тоже верила в то, что коням нужна реабилитация, и моя программа дает прекрасные результаты. Если бы ты удосужился взглянуть на статистику...

– Из-за твоей программы мы каждый квартал терпим убытки. Ты легкомысленно относишься к деньгам, потому что тебе никогда не приходилось зарабатывать на жизнь.

– Я работаю.

– Пару часов в день, – проворчал отец. – Мы с твоей матерью сделали ферму «Сазерленд» такой, какова она сейчас, потому что круглосуточно трудились. Твоя мать была амбициозной. Ты – нет. Возможно, Роберту удалось бы вбить в твою голову немного здравого смысла.

Ханна разорвала помолвку в тот день, когда поняла, что Роберт любит ферму и лошадей больше, чем ее. Роберт был бы идеальным зятем для Лютера – агрессивным в бизнесе, звездой на дистанции. А Ханне было бы отведено в лучшем случае третье место в его сердце.

– Роберт не годился мне в мужа.

– Тебе уже двадцать девять лет, Ханна, и ни один мужчина не смог заинтересовать тебя дольше чем на несколько месяцев. Ты слишком разборчива.

– Папа, мне жаль, что я не унаследовала мамину грацию и умение ездить верхом или твою тягу к состязаниям. Но эта ферма была ее мечтой. А теперь стала и моей. Я готова управлять ею. Может, я не могу объездить фаворита, но способна

вырастить его. Для этого у меня есть способности.

– Нет, Ханна. У тебя было несколько мелких достижений, но тебе не хватает пыла, амбиций, и ты совершенно ничего не понимаешь в бизнесе. Ты никогда не сможешь взять в руки управление фермой.

Ханна вздрогнула. Жестокие слова отца подействовали на нее как удар кнута.

– Это неправда.

– Ничего хорошего не выйдет, если я буду и дальше нянчиться с тобой. – Отец помолчал. – Я не всегда буду рядом, Ханна. Пора тебе самой о себе позаботиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Я больше не буду поддерживать тебя.

Вслед за шоком пришла паника, и Ханна попятилась.

– Что ты имеешь в виду? – повторила она.

– Я больше не собираюсь спонсировать тебя и твои провалы.

– Почему? Что я сделала? И как мне теперь жить?

– Придется научиться жить на зарплату.

Обида, страх, боль от предательства полыхнули в ее груди.

– Мы не могли обсудить это прежде, чем ты принял такое радикальное решение?

– Что бы это дало?

– Я попробовала бы тебя отговорить. – Ханна бросила оскорбленный и возмущенный взгляд на поверенного, который с виноватым видом пожал

плечами. – Эта ферма, эти места были собственностью нескольких поколений нашей семьи. Столько людей зависят от тебя, и от меня, и... – Она обернулась к Бринкли. – Он имеет право это сделать? А как же доля моей матери в бизнесе?

– Твои бабушка и дедушка переписали ферму на Лютера еще до его женитьбы. Имя твоей матери нигде не фигурировало. Когда тебе исполнилось двадцать один год, ты получила все, что тебе причиталось.

У нее почти ничего не осталось. Она тратила деньги на лошадей, уверенная, что отец не оставит ее без помощи.

Осознание произошедшего наконец пришло к ней, вырвав из ступора. Значит, именно Уайет Джейкобс выхватил ферму прямо у нее из-под носа. Пронырливый, изворотливый негодяй! «Холодные глаза, холодное сердце», – говорила про таких Нелли.

Сердце Ханны пустилось вскачь, в ушах шумело. Если она не может заставить отца или Бринкли здраво взглянуть на проблему, придется поговорить с этим нахалом и уговорить его аннулировать сделку. Потом она придумает, как переубедить отца.

Спотыкаясь, Ханна прошла к двери, ведущей на задний дворик, и увидела, что ее злейший враг сидит за столиком, спокойно ест печенье Нелли и пьет молоко, как будто не он выбил землю у нее из-под ног. Она подошла к Уайету и тронула его за локоть:

– Это мой дом. Вы не можете украсть мою собственность. Отец поддался старческим фантазиям и...

Лицо Джейкобса было словно вырублено из гранита.

– Я не крал ферму «Сазерленд», док. Я заплатил за нее больше рыночной стоимости.

Он спокойно надкусил печенье. Его высокомерие было хуже пощечины. Поглядев на печенье, Ханна поняла, что она не единственная, кого ошеломят ужасные новости. Она повернулась к отцу, который последовал за ней:

– А как же Нелли? Она живет с нами с тех пор, как умерла мама. У нее нет ни дома, ни семьи. Ты не можешь выгнать ее.

– Уайет пообещал не увольнять Нелли.

Уайет пообещал. Отлично! Только едва ли можно доверять каменной статуе. Она уставилась на Джейкобса в упор:

– Что будет с работниками, лошадьми и конюшнями? Вы собираетесь все здесь переделать?

Как правило, новые хозяева приходят со своей командой, и Ханне была ненавистна мысль о том, что люди, которых она знала и любила, которые были ее семьей, разъедутся в разные стороны – если, конечно, смогут найти работу.

– Оставлю все как есть, до тех пор пока не произведу оценку собственности и бизнеса.

– А потом?

– Мое решение будет зависеть от результатов аудита.

– Что тут проверять? Вы приобрели ферму мирового класса...

– Ханна, – вмешался отец, – Уайет согласился не увольнять персонал в течение года, если только их некомпетентность не заставит его передумать.

Она оскорбленно заявила:

– На ферму «Сазерленд» не нанимают кого попало.

– Тогда и волноваться не о чем, – сказал Джейкобс.

Отчаяние сжало ее горло.

– Папочка, пожалуйста, не делай этого. Наверняка есть способ аннулировать сделку. Дай мне шанс доказать, что я могу управлять фермой и...

– Ханна, мы подписали соглашение неделю назад. Сегодня Уайет и я впервые встретились лично, чтобы обсудить передачу собственности.

– Неделю назад, – эхом отозвалась Ханна.

Уже семь дней, как ее мир рухнул, а она и не знала.

– Я приобрел дом в городе и назначил дату переезда, – добавил отец, повергая ее в ужас.

Джейкобс насторожился:

– Дом в городе? А коттедж?

Лютер ответил уклончиво:

– В коттедже живет Ханна.

Джейкобс сжал кулаки, в его глазах вспыхнул гнев.

Встревоженная Ханна обратилась к отцу:

– Мой дом и моя работа – на ферме Сазерлендов.

Куда же мне пойти? Где я буду жить и работать?

Отец вздохнул и отвернулся к бару:

– Пусть Уайет объяснит.

– Лютер исключил из сделки коттедж и два акра земли, окружающей его. Так что коттедж остается при вас. Вы, как и остальные служащие, будете числиться в штате до тех пор, пока качество вашей работы будет отвечать моим

стандартам. – Голос Джейкобса был не теплее жидкого азота.

По его тону Ханна догадалась, что эти стандарты недостижимы.

Ее коттедж, краеугольный камень земли Сазерлендов, располагался в самой середине фермы. Она будет окружена вражеской территорией. Но, по крайней мере, у нее есть крыша над головой.

Ханна подавила панику и постаралась собраться с мыслями.

– Когда сделка входит в силу?

– С сегодняшнего дня. Я займу дом, как только ваш отец освободит его.

Другими словами, прежняя жизнь закончилась.

Глава 2

Злость сжигала Уайета. Лютер Сазерленд обманул его! Он вовсе не собирался «жить на покое в семейном гнезде», как заверял Уайета, когда настаивал на том, чтобы клочок земли был исключен из сделки. А дочь Сазерленда оказалась одной из служащих. Зная все эти тонкости, Уайет ни за что не подписал бы договор.

Но если Лютер рассчитывает на то, что его принцессе предоставят какие-то поблажки, он будет разочарован. Ханну уволят, как только она перестанет выполнять свои обязанности.

Больше всего Уайета злило то, что ему некого было обвинять в случившемся, кроме себя. Он по уши увяз в других делах, и, так как у него не было ни времени, ни интереса, ни каких-либо знаний о том, как управлять коневодческой фермой, он поручил это дело агенту.

Ферма «Сазерленд» отвечала всем требованиям Уайета. Оставалось надеяться, что его не ждут дополнительные неприятные сюрпризы. Хватит проблем и с длинноногой шатенкой. Что бы там ни было, придется избавиться от нее как можно скорее.

Он не собирается иметь дело с избалованной наследницей, сидящей на шее у папочки. Обрывки разговора, доносившиеся до него, доказывали, что Ханна Сазерленд полностью соответствует мнению, которое он составил о ней.

Уайет был готов поспорить на свои вложения, исчислявшиеся семизначным числом, что Ханна продвигалась по жизни за счет своей красоты и приятных улыбочек. Он нутром чуял, что от нее стоит ждать только неприятностей. А нюх на людей редко обманывал его.

– Я хочу получить досье всех служащих перед отъездом, – потребовал Уайет, глядя в ее разгневанные дымчато-голубые глаза.

– Это конфиденциальная информация, – запротестовала Ханна.

– Ханна, – вмешался Бринкли, – как новый владелец фермы, мистер Джейкобс имеет неограниченный доступ к документации.

– Но...

Уайет пригвоздил ее к месту взглядом:

– Начну с вашего. И я хорошо знаю, что там найду. Частная школа. Женский клуб в университете. Каникулы в Европе, оплаченные фермой «Сазерленд».

Ханна уставилась на него. Ее гибкое стройное тело напряглось. Грудь быстро вздымалась и опускалась. Несмотря на отвращение к избалованным женщинам, кровь мужчины закипела.

Ханна была утонченно грациозна и элегантна, что привлекало Уайета и одновременно отталкивало. У него был опыт общения с такими женщинами. Он уже попадал в беду из-за подобных ей.

– Я получила образование в ветеринарном колледже. – Она отвечала, едва шевеля губами. – Моих средств хватило на то, чтобы поехать в Европу и поработать на успешных коневодческих фермах. Это было необходимо для накопления опыта и поиска потенциальных партнеров.

– Я уверен, что вы можете предоставить рекомендации ваших предыдущих нанимателей, которые доказывают вашу ценность как работника.

Ханна ухитрилась посмотреть на Уайета сверху вниз, как делают только богатые женщины, – урок, который был крепко вбит в него еще в то время, когда он, молокосос, работал в конюшнях отчима. Тогда он не понимал, что состоятельные клиентки не выходят замуж за юношу, который ухаживает за лошадьми.

– Я успешно работаю.

– Позвольте мне судить об этом, – бросил он. Ханна сложила руки на груди, выставила вперед длинную ногу.

– Скажите, мистер Уайет, каковы ваши требования, согласно которым вы определяете, насколько хорошо работает тот или иной служащий?

– Ханна... – начал было поверенный, но Уайет взглядом остановил его.

– Я генеральный директор фирмы «Трайпл краун». Я руковожу более чем шестью сотнями людей и распознаю лентяев и бездарей с первого взгляда.

Эта фраза вызвала огненно-красный румянец на щеках Ханны – она поняла намек.

– На ферме «Сазерленд» таковых нет. Мы – единое целое, одна из лучших команд в этой отрасли.

– Посмотрим.

Когда Сэм, его отчим, вспоминал о ферме породистых лошадей, которой он когда-то владел в Кентукки, это звучало очень соблазнительно. Ферма Сазерлендов напоминала старую ферму Сэма больше чем любая другая, и отчим

заслуживал того, чтобы провести остаток жизни счастливо, в уюте и безопасности.

И он не позволит мисс Сазерленд мешать ему выплатить долг человеку, который был для него настоящим отцом.

– Следите за словами, док. Ваш отец, может быть, был к вам снисходителен, но я не буду. Вы научитесь себя вести, если хотите остаться здесь. Теперь, извините, мне нужно закончить с делами, а вам пора возвращаться к работе.

Утомленная Ханна брела по дороге к своему коттеджу, к горячей ванне и бокалу вина. Одна из спасенных кобылок шла рядом с ней по другую сторону белой деревянной изгороди. Ханна сочла необременительную компанию лошади успокаивающей.

Неделя выдалась тяжелая. День за днем проходили в ожидании Уайета Джейкобса, который не появлялся в конюшнях. Атмосфера становилась гнетущей, словно перед надвигающейся летней бурей. Всегда дружные работники огрызались друг на друга. Даже лошади почувствовали общее настроение, и с ними было трудно справиться.

Телефон в кармане завибрировал. На электронном дисплее номер не определился.

Она нажала на кнопку приема:

– Ханна Сазерленд.

– Уайет Джейкобс. Зайдите в мой офис. Немедленно.

Короткие гудки.

Ноги Ханны приросли к земле. Она криво ухмыльнулась, глядя на притихший телефон, потом – на особняк. В кабинете отца – кабинете Уайета Джейкобса – горел свет.

Узурпатор прибыл. И даже не поздоровался. Ничтожество! Грубиян, который не считается ни с чьими чувствами! Как он посмел требовать встречи в такое позднее время?

Ханна решила перезвонить ему и сказать, что ее рабочий день закончен и она зайдет завтра. Но, согласно одному из пунктов ее нового контракта, на который особо указал Бринкли, проигнорировав вызов босса, она рисковала потерять работу.

Ханна бросила быстрый взгляд на грязную одежду. Если бы она хотела произвести хорошее впечатление, то привела бы себя в порядок.

Но она не хотела.

Ханна не нашла в Интернете ничего, что могло бы связывать Джейкобса с лошадьми. Почему же он купил ферму?

Может, он – один из тех богачей, которые считают, что иметь коневодческую ферму модно и весело? Если так, он не имеет ни малейшего понятия о том, как много труда, денег и личной заинтересованности потребует «Сазерленд».

Как ни претило Ханне идти на встречу в таком виде, Джейкобсу придется иметь дело с грязью и пылью. Добро пожаловать в наш мир, Уайет Джейкобс!

Воспрянув духом, Ханна решительно направилась через лужайку к двери, ведущей в кухню, однако вспомнила, что дом больше не принадлежит ее отцу и она не имеет права запросто пройти через кухню и полакомиться великолепной стряпней Нелли.

На расстоянии десяти ярдов от нее открылась дверь кабинета, ведущая в патио, и в проеме появилась высокая широкоплечая фигура Уайета Джейкобса. Взгляд его темных глаз пригвоздил Ханну к месту, как канцелярской кнопкой.

– Входите, док. – Он махнул рукой так же, как поманил бы собаку.

Ханна ошетинулась. Джейкобс вызывал у нее странное желание огрызаться и чуть ли не рычать, и это удивляло молодую женщину. Откуда взялась странная

раздражительность? Ханна всегда предпочитала элегантные улыбки и южное очарование. «Побеждай дружелюбием», – советовала Нелли, и до сих пор эта тактика не подводила.

Уайет Джейкобс, похоже, вызвал к жизни ее темную сторону. Нужно очень осторожно вести себя во время беседы. В руках Джейкобса, мужчины, которого Ханна не знала и знать не хотела, было ее будущее, будущее лошадей и остальных служащих. Главное – помнить о том, что она член команды.

– Лучше поговорим на свежем воздухе. – Ханна Сазерленд произнесла эти слова с вежливой улыбкой, которая прямо-таки сочилась враждебностью. Она указала на свои черные туфли на невысоком каблуке, покрытые пылью. – Поскольку я не ожидала, что вы вызовете меня так поздно, я принесла с собой частичку конюшни.

Грязными были не только ее туфли. Уайет заметил пятно на высокой скуле. Потом грязь на белой футболке, украшенной логотипом фермы, привлекла его внимание к ее груди. Еще одно пятно обнаружилось на внутренней стороне стройного упругого бедра, обтянутого тканью цвета хаки. Сегодняшнее одеяние Ханны было несравнимо с теми дизайнерскими тряпками, которые она надела в день их первой встречи, тем не менее на ней были дорогие часы и бриллиантовые серьги.

Уайет уловил слабый запах конюшни. Но, кроме запаха лошадей, древесной стружки и сена, ощущался еще какой-то аромат – очень женственный, притягательный, как дорогие французские духи. Его сердце неожиданно забилося чаще.

Он чуть ли не с лупой изучал резюме и биографию мисс Сазерленд в поисках недостатков и слабостей и не нашел ничего хорошего в ее привилегированном воспитании. Она явно получала все, что хотела, на блюде с голубой каемочкой.

– Кроме лет, проведенных в колледже, вы никогда не жили вдали от отца и его чековой книжки, не так ли?

Она напряглась, ее улыбка стала натянутой.

– Нет.

– И у вас не было другой работы, кроме этой, которую вы получили за красивые глаза.

– Я получила ее не за красивые глаза. И свою научную степень я заслужила. Мой рабочий день закончен, мистер Джейкобс. Вы хотели сказать мне что-то, что не может подождать до утра?

Лучи заходящего солнца играли на золотистых прядях в ее каштановых волнистых волосах – прядях, над которыми работал, скорее всего, дорогостоящий парикмахер. В голубых глазах не было ни милосердия, ни интереса, ни женской мягкости. Уайет был ей противен, и все попытки скрыть это были тщетны.

– Встретимся в офисе завтра в полдень, – заявил он.

– Зачем? – Ее глаза сузились.

– Покажете мне ферму.

Ханна пронзила Уайета тем высокомерным взглядом сверху вниз, который напомнил ему о первой любви, разбитом сердце и женском предательстве.

– Я не могу бросить все ради вашей экскурсии... сэр, – добавила она в последний момент.

– В полдень я увижу, насколько вы цените вашу работу.

– Завтра у меня нет ни одной свободной минуты. Мы сейчас очень заняты.

– Почему?

Ханна моргнула, и Уайет впервые заметил ее длинные густые ресницы.

– Что – почему?

– Почему вы сейчас очень заняты?

Между бровями Ханны пролегла складка.

– По субботам к нам приезжают клиенты. Думаю, не надо вам напоминать, что на носу сезон спаривания.

Знания Уайета о разведении лошадей были весьма ограничены.

– В полдень, доктор Сазерленд.

– Я найду кого-нибудь, кто покажет вам ферму, кого-нибудь, у кого найдется на это время.

– Ваш отец утверждает, что вы знаете ферму лучше, чем любой другой служащий. Так что мне нужны вы. Это не обсуждается.

– Я живу здесь всю жизнь и, конечно, знаю каждый клочок земли. Но, как бы мне ни хотелось показать вам здешние чудеса, у меня есть график работ, которому нужно следовать.

У него появилось примитивное желание скинуть ее с пьедестала, на который она себя вознесла. Тем не менее сопротивление этой дамочки возбуждало Уайета. «Да ты законченный дурак, Джейкобс!» Уголок его рта дернулся, в то время как он старался скрыть свое раздражение на нее и на себя.

– Неужели вы собираетесь облегчить мне жизнь, Ханна?

– Что вы имеете в виду?

– Согласно контракту, вы будете уволены, если не сможете выполнять мои требования. Изыщите время показать мне ферму или забирайте свою последнюю зарплату.

Ее губы сжались, а на щеках появились алые пятна.

– Вам нравится власть, которую дают контракты, подписанные без нашего ведома, не так ли? Мы все на испытательном сроке, хотя раньше прекрасно справлялись со своей работой.

– Я босс. Ваш босс.

Ханна окинула его раздраженным взглядом:

– Я покажу вам ферму.

Она по-военному развернулась на каблуках и ушла.

Ее округлая упругая грудь подпрыгивала при каждом шаге. Тело Уайета немедленно отреагировало, и это ему совсем не понравилось.

О да, он угадал. Ханна Сазерленд, с ее дорогими украшениями, золотистыми прядями волос, маникюром и завышенными требованиями будет приносить одни проблемы.

Пока он от нее не избавится.

Но похоже, он еще не скоро сумеет сделать это.

Глава 3

Субботним утром дверь в лабораторию Ханны распахнулась, напугав ее. Уайет вошел по-хозяйски, будто это место принадлежало ему. Собственно, юридически так оно и было. Но это были владения Ханны – единственное место, где царил порядок и покой, вне зависимости от того, в каком хаосе пребывала ее жизнь.

Ханна напряглась, волосы на затылке встали дыбом. Она никогда прежде не ощущала прямо-таки животную ненависть к кому-либо, и сила бурлящих в ней эмоций удивила женщину.

– Вы сказали – в полдень. Еще рано. – Она старалась говорить вежливо, но, судя по ухмылке Уайета, ей это плохо удавалось.

Его темные глаза остановились поочередно на каждом предмете оборудования, прежде чем вернуться к ней – только для того, чтобы также внимательно изучить и ее.

– Дождь усиливается. Я хочу, чтобы вы показали ферму сейчас.

Дождь? Ханна моргнула и прислушалась. И правда, дождь барабанил по металлической крыше конюшни. Она была так погружена в свои проблемы и заботы, что не обратила внимания на этот звук.

Ханна посмотрела на Уайета. Его гладкие скулы были выбриты совсем недавно, а волосы были чуть влажными. Неожиданно Ханна представила его лежащим на смятых простынях...

Откуда это взялось? Она прогнала мысль прочь.

Черный кашемировый свитер обрисовывал широкие плечи Уайета, в V-образном вырезе проглядывала белая футболка, вытертые джинсы облегли голени и длинные мускулистые бедра. Что-то – не иначе раздражение – заставило ее сердце биться чаще.

– Мне нужно закончить с заказами, прежде чем их отправят на почту. Возвращайтесь в двенадцать. Пожалуйста, – добавила она.

Ханна не собиралась позволять ему срывать план работы и таким образом давать повод для увольнения.

– Наблюдение за служащими необходимо в любом новом деле. Я начну с вас. Посмотрю, чем вы занимаетесь.

Негодование в ее душе боролось с беспокойством, выводя Ханну из душевного равновесия, но выставить хозяина она не могла.

– Тогда хотя бы закройте дверь. В лаборатории не должно быть пыли, а температура поддерживается постоянная.

– Это так важно?

– Учитывая то, что я работаю с образцами, стоящими тысячи долларов каждый, – да, такой контроль важен.

В его глазах блеснуло любопытство. Уайет медленно подошел, вторгаясь в ее личное пространство, но Ханна не сдвинулась с места, не собираясь уступать место у микроскопа, несмотря на горячее желание оказаться как можно дальше отсюда.

– Над чем вы работаете, док?

Станный вопрос для человека, которому принадлежит все вокруг.

Все, кроме нее, конечно.

– Проверяю жизнеспособность образца, прежде чем заморозить его и отправить заказчику.

– Образца чего?

Он шутит?!

– Спермы. Хотите взглянуть?

Она вынуждена была посторониться. Уайет склонился над микроскопом:

– Скажите, что это?

Ханна вздохнула, пытаясь сосредоточиться на вопросе, но аромат его одеколона – пачули, сандаловое дерево и кипарис – отвлек ее.

– Это сперма жеребца-производителя Командора, – наконец ответила она. – Он приносит «Сазерленд» самую большую прибыль.

Ханна жестом отогнала мужчину от микроскопа. Когда она настраивала фокус, ее движения стали неуверенными. Ханну раздражало, что Уайет так легко смог вывести ее из равновесия.

– Для чего все это оборудование и таблицы?

Еще один странный вопрос для владельца фермы.

Ханна отложила карандаш, которым делала записи:

– Если я отвечу, вы оставите меня в покое?

– Я не оставлю вас в покое, пока не узнаю все, что мне нужно.

– Вы ничего не знаете о бизнесе, в который вложили миллионы?

– Вы имеете в виду бизнес, от которого зависит ваша зарплата? – парировал Уайет.

Да, он прав. И если она хочет по-прежнему получать зарплату, чтобы заботиться о лошадях и жить как ей нравится, лучше проигнорировать отвращение, которое она испытывает к нему.

– Прошу прощения. Время идет, а мне действительно нужно закончить работу, пока образец еще годен.

– Ответьте на мой вопрос, Ханна.

– На полках стоит оборудование, которое мы используем. У каждого жеребца есть собственные...

Щеки молодой женщины покрылись румянцем, и она запнулась. Но разведение лошадей – ее профессия. В обсуждении нет ничего необычного. Так почему же

она так неловко себя чувствует? Они же говорят не о ее сексуальных предпочтениях.

Или его.

Она представила Уайета с обнаженным торсом, приподнявшегося над ней, представила, как черты его лица искажает страсть, а не раздражение. У Ханны свело низ живота. Она резко втянула в себя воздух.

«Милая, у тебя слишком долго не было мужчины».

Ханна откашлялась и, игнорируя разлившееся по телу тепло, продолжила, очень аккуратно подбирая слова:

– У жеребцов есть свои предпочтения, которые могут помешать или помочь в процессе размножения и селекции. Лучшие результаты получаются с соблюдением всех условий, так что мы заносим в таблицы особенности каждого производителя.

Его глаза сузились, и на мгновение показалось, что воздух завибрировал от напряжения.

– На ферме «Сазерленд» два ветеринара. Ваша должность кажется мне лишней. Зачем платить вам зарплату? Убедите меня в том, что вас приняли на работу не только потому, что вы дочь владельца фермы. Ханна облизнула внезапно пересохшие губы:

– Штатный ветеринар наблюдает за общим здоровьем животных. Я – за их размножением.

– То есть за тем, что животным с начала времен прекрасно удавалось без посторонней помощи и всяческого оборудования.

– Разведение породистых лошадей – конек фермы «Сазерленд». Элитные кобылы и жеребцы продолжают приносить нам деньги многие годы спустя после того, как прекращают участвовать в соревнованиях.

– А почему штатный ветеринар не может следить за этим?

– Выведение чемпионов намного сложнее, чем случайное спаривание животных. Это смесь генеалогии, генетики, биологии и ветеринарии, направленная на получение лошади с оптимальными задатками и минимальными недостатками. Это наука, в которой я преуспела. Скажите честно, что вы знаете о разведении лошадей? – спросила Ханна.

– Немного.

– Тем не менее вы купили эту ферму. На большинстве ферм оплодотворение происходит естественным способом. У нас почти все делается с помощью искусственного осеменения.

– Почему?

– На это есть несколько причин. Наши лошади слишком ценны, чтобы подвергать их риску во время спаривания, к тому же замороженная сперма позволяет нам оплодотворять кобыл не только в наших конюшнях. Перевозка кобылы в другую страну стоит дорого и может нарушить ее цикл. Плюс необходимость карантина. Пересылка семени менее затруднительна.

Уайет указал еще на одну таблицу:

– А это что?

Ханна нахмурилась. Ей нравились ее таблицы и графики. Они были очень полезны: она могла взвесить все за и против очередного спаривания.

– Это расписание для жеребца. Регулярный сбор семени обеспечивает наилучшие результаты. Список рядом – перечень того, что нужно отправить в ближайшее время. Мне надо закончить, прежде чем я смогу устроить для вас экскурсию и прежде чем образец потеряет жизнеспособность. Так что, пожалуйста, мистер Джейкобс, уходите и позвольте мне заняться моей работой.

– Уайет, – поправил он.

Ханна не хотела называть его по имени. Это подразумевало дружбу – то, чего никогда не будет. Но боссом был он, и это означало, что придется кое с чем смириться.

– Уайет. Породистые лошади фермы «Сазерленд» много лет становятся чемпионами в конкуре и выездке. Разрешите проводить вас в помещение для гостей в административном корпусе. Вы выпьете чашку кофе и просмотрите каталог наших жеребцов, кобыл и же ребят, пока я закончу с делами.

Его темные глаза задержались на ней, вызвав странное ощущение в теле, так что у Ханны даже свело пальцы на ногах.

– Я сам найду помещение для гостей.

В тот момент, когда Уайет ушел, напряжение исчезло, сменившись слабостью. Ханна замерла, склонив голову и пытаясь собраться с мыслями.

Да будь он проклят! Как она будет с ним работать, если не может находиться с ним в одной комнате?

Только она вернулась к работе, как дверь снова открылась. Уайет вошел, держа один из многочисленных фотоальбомов. Краткосрочная передышка закончилась. Он устроился на табуретке как раз напротив рабочего стола.

– Я думала, вы собираетесь дать мне поработать.

– А я вам не мешаю. Чем скорее вы закончите, тем скорее мы займемся нашими делами.

Он углубился в альбом.

Раздражение усилилось. Если он не перестанет отвлекать ее, то никогда не дождется экскурсии, а ведет себя так, будто задержка – это ее вина.

Намереваясь игнорировать Уайета, Ханна сжала зубы и занялась делом. Каждый раз, когда она поднимала голову, ее взгляд встречался с взглядом Уайета, и каждый раз при этом пульс Ханны учащался.

Она хотела, чтобы он покинул ее лабораторию. Ее ферму. Ее жизнь.

«Папочка, что же ты наделал?!»

Запечатав последнюю колбу и упаковав ее, Ханна ощутила облегчение... которое было смешано со страхом. Окончание работы означало, что ей придется надолго остаться наедине со своим новым боссом.

Смирившись с предстоящим испытанием, она вздохнула:

– Откуда вы хотите начать?

Уайет закрыл фотоальбом и поднялся. Ханне пришлось признать, что он необычайно грациозен.

– Мне все равно.

– Сузьте круг. Территория занимает две тысячи акров. Какую часть вашей собственности вы хотели бы осмотреть?

– Кроме дома, этой конюшни и административного корпуса, я ничего не видел.

– Вы потратили миллионы, даже не зная, за что платите?

– У меня были фотографии, карты и видео, которые подготовил агент по недвижимости. Ферма «Сазерленд» – это именно то, что я хотел.

Ханна вспомнила о приезде оператора несколько месяцев назад. Отец сказал ей, что видео будет использовано в рекламных целях. Значит, Лютер уже тогда планировал разрушить ее мир.

– Так чего же вы хотели? – Она поморщилась, поняв, что слова звучат двусмысленно.

Лицо Уайета стало непроницаемым, будто разом захлопнулись окна души.

– Иметь коневодческую ферму. Еще вопросы?

Это была явная ложь – Ханна готова была поспорить на что угодно. Но у нее не было доказательств.

Ханна не поверила ему, и, честно говоря, Уайету было наплевать. Его устроило бы, если бы ей все надоело и она уволилась сама.

В его планы никогда не входило изображать няньку при избалованной принцессе. Он купил ферму для Сэма и намеревался проводить здесь как можно меньше времени. Но за Ханной следовало присматривать.

Дверь в лабораторию распахнулась, и это спасло его и длинноногую шатенку от неловкой паузы. Худощавый рыжий парень ворвался внутрь:

– У доктора Уилла еще одна!

Ханна мгновенно стала внимательной и настороженной. Уайет нашел эту перемену интригующей. Она жестом приказала парню говорить дальше.

– Он привез ее, как только власти дали разрешение. Говорит, это станет настоящей проверкой твоих способностей.

– Предполагается, что я соглашусь на это?

Рыжеволосый ухмыльнулся:

– Ханна, ты никогда не отказываешь.

Уайет пытался понять смысл их разговора, но тщетно, однако он сомневался, что двадцатилетний парень намекает на секс, а именно это приходит в голову, когда слышишь о женщине, которая никогда не отказывает.

Он проклял свою предательскую чувственность. У Ханны Сазерленд, может быть, шикарная внешность и чертовски соблазнительная фигура, но между ним

и его временной служащей никогда не будет ничего, даже отдаленно похожего на близость.

– Я – Уайет Джейкобс. А кто ты? – вмешался он в разговор.

Две пары глаз уставились на него. Ханна нахмурилась.

– Простите. Джеб Джоунз – ассистент-ветеринар. Уайет – новый владелец фермы.

Уайет пожал руку Джеба:

– Кто такой доктор Уилл?

Ханна сорвала лабораторный халат и повесила его на крючок у двери:

– Один из местных ветеринаров. Экскурсию придется отложить.

– Вы хотите рискнуть, не думая о последствиях вашего отказа?

– Я не отказываюсь, мистер Джейкобс, а откладываю экскурсию до тех пор, пока не справлюсь со срочной работой.

Ее раздражение было очевидно, несмотря на приятную улыбку. Несомненно, эта улыбка покорила множество мужчин. Но не его.

– Пойдем, Джеб. – Ханна выбежала из лаборатории.

Парень заколебался, пытаясь разобраться, кто тут главный, потом последовал за ней. Ошарашенный непокорностью Ханны, Уайет взвился, но потом взял себя в руки. Ханна – испорченная папенькина дочка, которая считает, что для нее закон не писан. Он проучит и ее, и ее приспешника иначе.

Уайет последовал за бегущей парой, в мыслях планируя уволить Ханну, а прихвостня предупредить на будущее, а еще сообщить доктору Уиллу, что ферма «Сазерленд» больше не будет служить свалкой для больных животных.

Может, Ханна и не умеет отказывать, но у Уайета с этим проблем нет.

Ханна и Джеб бежали, не обращая внимания на дождь. Они свернули с асфальта на грунтовую дорогу, ведущую к группе строений, расположенных за рощей. Уайет забрался в свой «мерседес».

Как только он съехал с асфальта, подвеске машины пришлось испытать все прелести выбоин и ям. Учитывая безукоризненное состояние фермы, эта небрежность удивила его. Он мысленно сделал заметку: поговорить с менеджером насчет гравия и засыпать ямы.

Пикап с прицепом для перевозки лошадей стоял у открытых дверей конюшни. Уайет припарковался рядом. Эта конюшня явно не поддерживалась в образцовом порядке. Странно.

Он выбрался из машины, протиснулся между прицепом и дверным косяком. Несмотря на то что снаружи конюшня выглядела не блестяще, внутри она была безупречна. Запах свежих стружек, сена и овса нахлынул на него вместе с воспоминаниями о счастливых годах, проведенных с Сэмом.

В загоне трейлера нервно плясала лошадь, вставая на дыбы, ее копыта глухо стучали по резиновому покрытию. Ханну от взволнованного животного отделяла невысокая перегородка. Она поглаживала лошадь по шее и по спине, ласково приговаривая:

– Все хорошо, девочка. Тебе нечего бояться. Мы о тебе позаботимся.

Ее спокойный мягкий голос резко контрастировал с тем нетерпеливым тоном, которым она отвечала на его вопросы.

Лошадь испуганно заржала, и Уайет вздрогнул. Уже почти пятнадцать лет он не работает с лошадьми, но даже ему ясно, что лошадь сильно напугана.

– Уходите отсюда, – тихо распорядился он.

– Минутку, – спокойно ответила она. – Ладно, ребята, давайте выпустим ее и посмотрим, что из этого выйдет.

– Тебе это не понравится. – Пожилой мужчина в грязных джинсах и выцветшей куртке вышел из-за трейлера и похлопал Уайета по плечу. – Лучше отойди подальше, сынок.

Уайет снова почувствовал себя подростком. Он тысячу раз слышал то же самое от Сэма, когда тот еще был в здравом рассудке.

Ханна нахмурилась:

– Я позову вас, когда закончу.

– Я не уйду.

– Если вы останетесь, либо будете мешать, либо пострадаете.

– Я ухаживал за породистыми лошадьми с четырнадцати лет и до тех пор, пока не уехал в колледж. Вам не стоит выпускать лошадь. Ее нужно отправить туда, откуда привезли.

Черты лица Ханны приобрели воинственное выражение.

– Исключено – и это вам подтвердит полицейский, если вы возьмете телефон и позвоните офицеру...

– Харрису, – подсказал ветеринар, когда Ханна вопросительно изогнула бровь.

Открытое неповиновение вывело Уайета из себя.

– Я не желаю видеть это животное на моей территории.

Ханна спустилась по пандусу и двинулась на Уайета, пока они не оказались лицом к лицу – так близко, что он ощутил мятный аромат ее дыхания и жар, исходящий от промокшей одежды.

Он пытался отвлечься от того факта, что белая футболка Ханны стала почти прозрачной, но ничего не вышло. Мокрая ткань прилипла к ее груди с

напряженными сосками и обрисовала тонкий белый бюстгальтер. Его тело среагировало, как у всякого здорового мужчины, и, как он ни старался, ему не удалось утихомирить сердцебиение.

– Мистер Джейкобс, Уайет, мы все обсудим после того, как я осмотрю ее. Но сейчас, пожалуйста, отойдите и не мешайте мне заниматься своей работой.

– Я думал, вы специалист по размножению.

– По субботам у меня короткий день. В свободное время я занимаюсь другими делами.

– Вы забыли, кто платит вам зарплату?

– Вы, хотя изо всех сил стараетесь этого избежать. Дайте мне час, чтобы осмотреть кобылу и понять, с чем мы имеем дело. Это вопрос жизни и смерти. Я не могу небрежно обращаться с чьей-либо жизнью. А вы?

Ее уверенность произвела на него впечатление.

– Только побыстрее.

– Спасибо. – Она вернулась в трейлер, несколько не испуганная кульбитами взволнованного животного.

Следуя указаниям женщины, три человека кое-как заставили лошадь подойти к пандусу. Тогда Уайет увидел то, что скрывал полумрак трейлера. Открытые раны и шрамы исполосовали костлявую спину. Кольца запекшейся крови виднелись на задних ногах кобылы прямо над копытами.

Ее били. Уайет почувствовал, как его мускулы напряглись, а в душе поднялся гнев.

– Кто сделал это?

Ветеринар покачал головой, не отрывая глаз от животного:

– Злобный ублюдок, ее бывший владелец. Надеюсь, копы отплатят ему той же монетой. В самый раз поколотить его полицейской дубинкой.

Ханна протянула узду Джебу, потом прошла вокруг лошади, постоянно касаясь ладонью ее шкуры.

– Дело плохо. – Она старалась говорить ровно и тихо, но досада прорывалась наружу.

– Да уж, – согласился ветеринар. – Она и недели не протянула бы в этом аду.

Уайет внимательно разглядывал глубокие раны и окровавленную шкуру лошади. Теперь, когда страх отступил, та опустила голову, как будто смирилась со всем, что может произойти, поскольку на сопротивление сил не было. Ее дух был сломлен, и непонятно, для чего она вообще живет.

Как Сэм.

Сходство было таким сильным, что это ошеломило Уайета. Зрелище существа, заключенного в темницу немощной плоти, вызвало у него злость. Он повернулся к ветеринару, который привез лошадь:

– Вам следовало усыпить ее.

– Возможно, но теперь это дело Ханны.

– Зачем продлевать ее страдания? Прекратить их куда более гуманно.

Ханна рассердилась, так что кобыла испуганно отступила на шаг.

– Каждая жизнь бесценна, в том числе и ее. Судя по зубам, этой лошади не более десяти лет; она проживет еще долго.

– Она истощена, напугана и изранена, – возразил Уайет, в гневе сжав кулаки.

– Если кто-то и поможет ей, то только Ханна, – вмешался ветеринар.

На скулах Уайета заходили желваки.

– Она, скорее всего, больна и может заразить других лошадей. К тому же после стольких издевательств она никогда не будет доверять людям.

Ханна встала между Уайетом и кобылой. Она совсем не выглядела избалованной папиной дочкой. Сейчас мисс Сазерленд походила на медведицу, яростно защищающую своего детеныша.

– Вы не можете отказать ей в праве на жизнь, не дав ни единого шанса! – В ее гневном взгляде плескались боль, злость и отчаяние – те же чувства, что бурлили в его душе. – Давать второй шанс – вот моя работа, Уайет, – сказала она. – А если бы вы лучше изучили ферму, прежде чем швыряться деньгами, вы бы знали, что это и ваша работа тоже.

Уайет насторожился. В отчете агента не было ни слова о том, что на ферму «Сазерленд» свозят раненых лошадей. Впрочем, там не было ни слова и о Ханне.

– Правая задняя нога, скорее всего, сломана, – заметил он.

Ханна даже не посмотрела на него:

– Там глубокая рана от ремня. Похоже, этот монстр связывал задние ноги, чтобы она не могла защищаться. Но, судя по всему, повреждение поверхностное. Я сделаю рентген.

– То есть будете тратить деньги на безнадежный случай.

Она смерила его осуждающим взглядом:

– Дело не в деньгах. Центр обретения равновесия спасает жизни, а не разрушает их по чьей-либо прихоти.

– Что еще за Центр обретения равновесия?

От досады ее глаза приобрели цвет грозовой тучи, а жилы на шее напряглись. Ханна вздернула подбородок, заставляя бриллианты в ушах сверкать. Если бы

она была мужчиной, ударила бы его.

– Мистер Джейкобс, вам следовало подготовиться, прежде чем совершать покупку.

– Нет ничего странного в том, что я приобрел эту ферму. Она была выставлена на продажу, и я купил ее.

Ханна явно взяла под контроль эмоции, глубоко вздохнув и расслабив мускулы:

– Ферма «Сазерленд» занимается рождением и возрождением...

В открытую дверь конюшни влетела птица. Лошадь испугалась и шарахнулась в сторону, задев Ханну крупом. Она споткнулась. Уайет инстинктивно подхватил ее. Упругие изгибы женского тела произвели на него неизгладимое впечатление.

– Вы в порядке? – спросил он сквозь зубы.

Ее настороженный взгляд пересекся с его взглядом. Щеки Ханны горели, губы были полуоткрыты. Пульс Уайета зашкаливал, волна жара захлестнула его, доказывая, что у него есть кое-что общее с этой изнеженной принцессой.

Химия. Гормоны.

– Я в порядке. Спасибо. Отпустите меня, пожалуйста. – Она уперлась ладонями ему в грудь.

– Прости, Ханна, – сказал Джеб. – Я ее держу.

– Все в порядке. Это моя ошибка, – ответила женщина. – Я поступила не слишком умно, подставив спину незнакомому животному.

Она бросила быстрый взгляд на Уайета, будто этим животным был он, а потом наклонилась, чтобы снова осмотреть ногу кобылы – методично, внимательно, как она делала все этим утром. Это раздражало Уайета еще в лаборатории. Он подозревал, что Ханна нарочно тянет резину, проверяя и перепроверяя каждый образец, тщательно упаковывая его и занося в таблицу данные. Но похоже, это

был ее излюбленный прием.

Она наконец-то отошла от лошади и обратилась к ветеринару, который с одинаковым вниманием следил и за кобылой, и за Уайетом:

– Я займусь ею.

– Она может подвергнуть опасности здоровье других лошадей, – возразил Уайет.

– Она будет на карантине, пока не придут результаты анализов.

Ветеринар кивнул:

– Спасибо, Ханна. Я оформлю документы. Как можно скорее пришли мне фотографии, чтобы подтвердить жестокое обращение. Я снял кое-что на мобильник и отправил властям. Но детальные снимки помогут нам.

– Я сделаю фотографии до и после того, как обработаю ее раны. Кроме того, я отправлю тебе результаты лабораторных тестов, как только закончу.

Уайету совсем не нравилось происходящее.

– Страдания кобылы должны прекратиться. Усыпите ее. Я оплачу издержки.

Ханна схватила Уайета за руку. Ее прикосновение обожгло его, как огнем, даже через свитер. Пламя побежало вверх по руке и угнездилось в теле.

– Если вам наплевать на кобылу, взгляните на это с другой стороны. У нас появится шанс заставить ублюдка ответить за гнусные преступления и защитить от него других животных только при документальном подтверждении. Эту кобылу не только били и плохо кормили, она явно содержалась в грязи. Судья должен увидеть, каков ее владелец, иначе этому ничтожеству удастся избежать ответственности. Ни одно живое существо не заслуживает такого обращения! Пожалуйста, Уайет, позвольте мне помочь ей.

Разве он мог отказать? Отзывы о плохом уходе и оскорблениях были основной причиной того, что он не поместил Сэма в соответствующее учреждение.

Кобыла, как и Сэм, заслужила достойное обращение.

Медленно и осторожно Ханна приблизилась к кобыле и положила ладонь на белую звездочку у нее на лбу. Лошадь дернулась, трясая головой, и почти повалила Ханну, но она не собиралась сдаваться. Она продолжала гладить лошадь и говорить ей ласковые слова, пока та не стала спокойно переносить прикосновения.

– Только посмотрите на нее. Она заслуживает второго шанса, не так ли, девочка?

Большие нежные глаза Ханны искательно смотрели на Уайета.

– Дайте мне две недели. Если анализы не покажут что-то, с чем я справиться не в силах, я докажу вам – и ей, – что она заслуживает лучшей жизни. Кобыла поправится, и кто-то, возможно, захочет взять ее под свою опеку. В худшем случае ее последние дни будут беззаботными. Она будет ухожена и накормлена.

Уайету не было никакого дела ни до Ханны, ни до лошади, однако слова насчет последних дней задели его. Ведь именно поэтому он купил ферму для Сэма.

– Две недели. Все издержки оплатите вы, и никакого героизма, – решительно произнес он.

Ханна расслабилась:

– Вы еще увидите, какие чудеса способны творить любовь и забота.

– Я не верю в чудеса.

Она пожала плечами:

– Зря. Они случаются каждый день.

– Это бестолковый оптимистический бред.

– Он, во всяком случае, лучше пессимизма.

Завибрировал пейджер ветеринара. Он вытащил его из кармана и нахмурился, прочитав сообщение:

– Ханна, дорогая, мне нужно ехать. Ты справишься без меня?

– Мы с Джебом управимся.

Ханна пренебрежительно махнула рукой в сторону Уайета:

– Вы тоже можете идти. Я задержусь здесь. Позвоню вам, когда закончу, и, если будет еще светло, вы получите свою экскурсию. Если нет, займемся этим завтра.

То, что она могла пострадать, обрабатывая раны кобылы, перевесило отвращение Уайета к происходящему, к тому же он не мог представить себе лучшего способа понаблюдать за ней.

– Я не уйду. Вам придется трудно вдвоем.

Ханна сдвинула брови. Открыла рот, потом закрыла, будто собиралась спорить, но передумала.

– Если уж вы настаиваете, тогда сходите в мой офис и возьмите камеру из ящика стола. Вы будете фотографировать раны, пока я готовлюсь накладывать швы. Но не мешайтесь под ногами.

Ее командный тон напомнил Уайету, что она привыкла к тому, что мужчины ходят перед ней на задних лапках. Ничего, мисс Сазерленд быстро поймет, что он не собирается быть одним из них.

Ханна едва могла сосредоточиться на обработке ран кобылы. Ей требовалось время, чтобы придумать, как избавиться от нового босса, не выводя его при этом из себя. Главное – не дать ему расторгнуть договор с ней.

Недавнее пребывание в объятиях Уайета оставило ее, мягко говоря, в недоумении. Его прикосновение наполнило тело женщины загадочной энергией, происхождение которой она не понимала, и это ей не нравилось. С тех пор она как будто осталась «настроенной» на Уайета. Постоянное ощущение того, что он рядом, утомляло.

Его бдительный взгляд заставлял молодую женщину ощущать неловкость, и кобылка, чувствуя это, нервно взмахивала хвостом. Он к тому же минут десять назад снял свитер, продемонстрировав безупречные широкие плечи, обтянутые белоснежной футболкой, и Ханна не могла оторвать взгляд от идеально очерченных грудных мышц. Ее пульс участился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rouz_emili/soblaznit-magnata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)